

Л.Е. Пахомова

ludapachomova@mail.ru

журналист,

Елабужский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Елабуга, Россия

Магические «Письма 1926 года»

Русский, испанский, художественный перевод, отбор материала.

В статье представлено интервью с известной испанской переводчицей Сельмой Ансира, в ходе которого речь идет ее 30-летней работе, об открытии имен Марины Цветаевой и других русских писателей для испаноязычных стран, о проведении в России международных семинаров переводчиков русской классической литературы. В разговоре упоминаются трудности, с которыми приходилось сталкиваться Сельме Ансира при осуществлении различных переводов, а также издания русских авторов, вызывающие наибольший интерес в Испании и странах Латинской Америки.

Испанская переводчица Сельма Ансира работает с ведущими издательствами Мексики и Испании. Среди тех, кто публикует ее переводы русской литературы, есть такие издательства как «Siglo XXI editores», «Fondo Nacional para la Cultura y las Artes» и «ERA» (Мехико), «Grijalbo», «Anagrama», «Círculo de lectores», «Acantilado» и «Circe» (Барселона), «Versal» (Мадрид).

В ее переводах на испанский выходили «Кавказский пленник», «Каменный гость», «Путешествие в Азрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина, «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, «Гроза» А.Н. Островского, «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, «Разговор о Данте» О.Э. Мандельштама, «Морфий», «Записки на манжетах», «Зойкина квартира» М.А. Булгакова, «Путешествие дилетантов» Б.Ш. Окуджавы и др.

В 2007 г. она была награждена медалью Пушкина – высшей наградой,

вручаемой правительством России иностранным гражданам за заслуги в области культуры; в 2008 г. в Мексике – медалью «Cultura libre» за литературные заслуги. Сельма Ансира – одна из трех лауреатов, награжденных во время V Международных Цветаевских чтений в Елабуге в августе 2010 г. Литературной премией им. М. Цветаевой.

– Сельма, когда вы впервые познакомились с творчеством Марины Цветаевой?

– Это произошло много лет тому назад, в конце 1970-х гг. Я была тогда студенткой филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ко мне попали в руки «Письма 1926 года» Рильке, Пастернака и Цветаевой. До этого я о Цветаевой ничего не слышала и не знала, что есть такой поэт. В те годы в университете мы ее, конечно, не проходили. Я влюбилась в Цветаеву с первого же письма. А после того, как прочитала всю книгу, перестала спокойно жить. У меня возникла просто непреодолимая потребность поделиться этими письмами и образами со своими соотечественниками, которые не знают русского языка. Поэтому можно сказать, что я стала переводчицей благодаря Цветаевой. За эти годы моя влюбленность в поэта не прошла, она становится только нежнее, глубже и сильнее с каждым переводом.

– «Письма 1926 года» – во всех отношениях очень сложная книга. И как вы рискнули за нее взяться?

– Меня уже не раз об этом спрашивали. И я всегда отвечаю, что это был такой шаг, на который трудно было бы решиться даже сейчас со всем моим опытом. А в то время я вообще не знала, что такое перевод! Но тогда я не могла по-другому, это шло откуда-то свыше.

К большому моему счастью я постучала однажды в дверь к Евгению Борисовичу Пастернаку. Он тоже об этом помнит и даже недавно рассказывал, как он открыл дверь и увидел молодую девушку с длинными-предлинными волосами, с черными-пречерными глазами,

которая сказала: «Я хочу переводить «Письма 1926 года», вы мне поможете?» В первые мгновения он просто окаменел, а потом ответил: «Конечно, помогу, проходите».

И я стала к нему ходить в течение многих-многих недель, месяцев. Он очень терпеливо со мной работал: объяснял, помогал разбирать тексты, растолковывал. И если перевод состоялся, то это благодаря ему.

– Какой это был год, и когда книга была опубликована?

– Это был 1980 или 1981 г., а книга вышла в 1984 г.

– Сельма, на вас «претендуют» сразу две страны – Мексика и Испания. С чем это связано?

– Я родилась в Мексике, считаю себя мексиканкой и горжусь этим. Но уже 22 года живу в Барселоне в Испании. А работаю и для мексиканских, и для испанских издателей.

– Вы переводите только прозу Цветаевой или также стихи?

– Я перевела уже почти всю ее автобиографическую прозу и очерки о поэтах. А недавно попробовала стихи. Получилось это таким образом: у нас с певицей Леной Фроловой, которая исполняет много песен на стихи Марины Цветаевой, возникла идея подготовить совместную литературно-музыкальную программу. В ней я рассказываю о судьбе Цветаевой, используя ее письма и дневники, а стихи звучат в песнях Лены. Получается интересный диалог между прозой и поэзией. Такие выступления у нас прошли уже в Мексике и в разных городах Ис-

Поступь легкая моя,
– Чистой совести примета –
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя –

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,

Посему – летай и пой.

Yo voy con paso sutil,
– Señal de conciencia limpia –
Yo voy con paso sutil,
Y una fuerte melodía –

Dios a mí me fue a poner
En medio de la ancha tierra.
Eres ave, no mujer,

Y por eso – canta y vuela.

1 ноября 1918

1 de noviembre de 1918

пании. Тогда-то и возникла мысль перевести эти 15 песенных стихов на испанский язык. Но в результате получилось не 15, а 46 стихотворений, которые я перевела совместно с одним из лучших мексиканских поэтов. Мне очень интересно было работать с ним над стихами – материалом совершенно иным, чем проза. Не буду загадывать, потому что я человек страсти и импульса, но если опять будет такой импульс, то я продолжу переводы стихов. Мне кажется, что именно с этим поэтом, ощущающим Цветаеву через меня, мы смогли дать словам, которые можно уподобить металлу, ту форму, какую нам хотелось. И, вполне возможно, последует продолжение.

– **А есть ли кроме ваших переводов другие стихи Цветаевой на испанском языке?**

– Да, два сборника, которые, к сожалению, переведены не поэтом. Они просто передают смысл, но это не поэзия.

– **Все ли, что вы переводите из Цветаевой, издается?**

– Да, абсолютно все. Было, конечно, время, когда мне приходилось постоянно уговаривать издателей, убеждать их в том, что Цветаева – потрясающий поэт. Но сейчас дорога проторена. Ее открыли, о ней знают, рассуждают, т.е. Цветаева уже живет в испанской культуре.

– **Скажите, сложно переводить Цветаеву?**

– Очень. Но я всегда помню ее слова о том, что непереводаемых текстов не существует. Всякое поэтическое творчество – уже перевод: с внутреннего на внешнее, с духовного на материальное. А если возможен такой перевод, то как не возможен другой – с одной системы знаков (языка) на иную. Для меня перевод каждого нового произведения Цветаевой – это целое событие. Искать в них дух, слова, музыку и переводить Цветаеву так, как она переводила с испанского Лорку, с немецкого Рильке – вот то, к чему я стремлюсь.

– **На сколько языков мира переведена Цветаева?**

О.Э. Мандельштаму

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем – взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь – перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

A Ósíp Mandelstam

Se rompió en mil astillas de plata
El espejo, y en él – la mirada.
¡Las ánades – las ánades mías
Vuelan a casa!

Me cayó de la nubosa altura
Justo sobre el pecho – una pluma.
Hoy en mis sueños yo repartía
Plata menuda.

Un estruendo de plata – estentóreo.
En plata yo – ¡habré de cantar!
¡Criatura mía! ¡Pequeño ánade!
¿No te aflige volar?

Iré, mas sin manifestarme
Ni frente a mis parientes ni a mi madre.
Iré y me quedaré en la iglesia,
Y los santos suplicaré
Por el pequeño ánade.

1 de marzo de 1916

– Не могу ответить точно. Думаю, что на все главные языки. И, безусловно, – на все европейские.

– Сельма, что побуждает вас брать на себя такую большую нагрузку и собирать по всему свету переводчиков, чтобы привести их, к примеру, в Елабугу на Цветаевские чтения?

– Это действительно отнимает много времени. Нужно не только их найти, но и проверить уровень перевода. Не все переводы удачные и достойные. Это в самом деле работа. Но я знаю, что мы дарим друг другу, когда находимся вместе. Мы словно заряжаем свою внутреннюю батарейку для дальнейшей работы. Нам приходится переводить произведения писателей, которых уже нет в живых. Каждый из нас работает в своем кабинете: со словарями, текстами, может быть, какими-то исследованиями. Но нет живого общения. А когда мы собираемся – переводчики на финский, итальянский, французский, испанский, хинди, японский, китайский и другие языки, – то это общение, обсуждение схожих проблем и удачных опытов перевода дает нам так много, что вся подготовительная работа уже не кажется мне нагрузкой. Я всегда думаю: «Боже мой, будет эта встреча, какое счастье!»

Уже на протяжении 5 лет мы собираемся каждое лето на 3–4 дня в Ясной Поляне на семинар переводчиков. Вначале идея его проведения была связана с переводом произведений Толстого. Но потом мы расширили тематику и приглашаем переводчиков русской классической литературы. Мы работаем с 9 утра до 7 вечера, и после таких семинаров возникает чувство, что заново начинаешь жить и работать.

– Какие чувства испытали вы после получения Литературной премии им. Марины Цветаевой?

– Сердечную благодарность за то, что отметили мою работу и дали премию, носящую имя поэта, которого я люблю, которым дышу и живу уже больше 30 лет.

– Говоря словами Екклесиаста, для вас сейчас наступило «время собирать камни». Я имею в виду, что вслед за цветаевской вы получили на Международном

литературном фестивале в Коктебеле главную волошинскую премию в номинации «За вклад в культуру». Очерк Цветаевой о Максимилиане Волошине «Живое о живом» – один из ваших переводов последних лет. Какое впечатление произвели на вас личность и творчество этого русского поэта и художника?

– Я должна сказать, что познакомилась с Волошиным благодаря Цветаевой. Когда я стала переводить «Живое о живом», то решила поехать в Коктебель и поближе узнать эту личность. Это был июнь 2007 г., и я подумала: а почему бы мне не сделать самой себе такой подарок на день рождения? В Коктебеле меня приняли, можно сказать, по-волошински. Показали дом, музей, архив, какие-то чудесные фотографии. Для меня провели специальные экскурсии, многое рассказали о художнике. Я побывала на его могиле. И если я уже была влюблена в Волошина, увидев его глазами Цветаевой и узнав с ее слов, то там я почувствовала, что он стал для меня родным человеком. А когда после вручения премии в Коктебеле мне подарили много книг с его прозой и я стала их читать, то по-настоящему полюбила Волошина.

– Ваша поездка в Коктебель во время перевода очерка о Волошине – это единственный подобный случай?

– Нет, во-первых, я всегда стараюсь ходить по следам моего любимого поэта – Марины Цветаевой. А вообще по возможности стремлюсь побывать и посмотреть своими глазами те места, которые описываются в переводимых мною произведениях. Это всегда порождает не отвлеченные, а свои личные переживания и ощущения, перевод получается более достоверным и живым.

– За 30 с лишним лет переводческой деятельности вы обращались к работам почти 30 авторов, среди которых Пушкин, Достоевский, Толстой, Гоголь, Бунин, Варламов, Берберова, Токарева, Чехов, Шаламов, Эйзенштейн и др. С Цветаевой все понятно – это как первая любовь, которая никогда не забывается. А чем был обусловлен выбор других писателей, поэтов и драматургов?

– Я не знаю, как у других литературных переводчиков, но для меня каждая книга

Сергею Эфрону

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблеклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом
на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

A Serguéi Efrón

Yo me puse a escribir en la pizarra,
Y en las hojitas de abanicos secos,
Y en la arena del río, y en el mar,
Con los patines sobre el hielo,
con el anillo en el cristal,

Y en los troncos, que tienen cientos de años,
Y al final — ¡porque todos se enteraran!
¡De que eres tú mi amado! ¡amado! —
¡amado!
Firmé — con el arcoiris de los cielos.

¡Deseaba que cada uno floreciera
A mi lado en los párpados!
¡Debajo de mis dedos!
Mas luego, con la frente apoyada
en la mesa,
Cruz sobre cruz fui tachando —
el nombre...

Mas tú, ¡oprimido en la mano venal
Del grabador — ¡tú, tú que me muerdes
el corazón!
¡Al que no he traicionado nunca!
¡Dentro del anillo!
Tú — quedarás intacto sobre las tablas
de la ley.

18 de mayo de 1920

соответствует какому-то этапу собственного роста и развития. На Берберову, например, я вышла через Цветаеву. С Достоевским была хорошо знакома, потому что по его творчеству защищала диплом в МГУ им. М.В. Ломоносова. Вы не назвали еще Страхова, а для меня перевод его воспоминаний о поездке на Афон был очень важным в определенный момент. Я узнала об этом авторе благодаря письмам Толстого. Попросила в библиотеке его очерк, начала читать и буквально загорелась этим переводом. В своих воспоминаниях Страхов полемизирует с другим писателем-путешественником — французом Эженом Мельхиором де Вогюз, который побывал на Афоне за 10 лет до него и тоже написал об этой поездке.

— **Какой из авторов оказался для вас как переводчика наиболее сложным и почему?**

— Что касается самого перевода, то, безусловно, это была Марина Ивановна. Например, недавно я целое утро мучилась над одним абзацем, но так и не смогла его завершить. К счастью, в эти дни в Барселоне гостил Евгений Борисович Пастернак, и я снова, как и много лет тому назад, попросила его помочь и уделить мне несколько часов для работы.

А если говорить об отборе материала, то здесь всего сложнее оказалось с Толстым. Я должна была подготовить к изданию 2 книги из 13 томов его дневников и еще 2 книги из 30 с лишним томов писем.

По мере чтения писем и дневников Толстого передо мной рождался своего рода автопортрет писателя. В них он раскрывает не только свои литературные, философские, педагогические и религиозные взгляды, но и свою человеческую сущность. И надо было не исказить этот автопортрет, а только в несколько раз уменьшить его, сохранив наиболее существенное. Я постоянно чувствовала себя как на иголках, мучилась сомнениями – что оставить, а что исключить? Это была очень интересная, творческая работа, которой я посвятила 8 лет своей жизни.

– **А сколько часов в день вы работаете?**

– Обычно по 10–11 часов. Из них самым плодотворным временем считаю с 5 до 9 утра, когда меня никто не беспокоит. Выходных у меня практически не бывает.

– **Вы работаете с издателями из Мексики и Испании. Между тем, число испаноязычных стран в мире несравненно больше. Распространяются ли в них ваши переводы русских писателей?**

– Да, конечно. Их читают во всей Латинской Америке и Испании. Меня приглашают в связи с этим в разные страны. Например, недавно я получила приглашения в Колумбию и в Аргентину, где в Национальной библиотеке прочитали мой перевод писем и дневников Толстого, а так как в этом году исполнилось 100 лет со дня его смерти, то меня попросили рассказать и о работе над своими книгами.

– **Кто из переводимых вами писателей, поэтов и драматургов вызывает наибольший интерес читателей и с чем это связано?**

– Безусловно, Толстой. Я постоянно получаю через моих издателей отклики на его письма и дневники от читателей из Латинской Америки и Испании. Помню, когда

вышел второй том дневников Толстого, мне пришло письмо из Доминиканской Республики. Прочитав дневники, человек понял, что всю жизнь прожил не так. Ему было 60 лет. Он благодарил меня за книгу и писал, что у него еще есть время для того, чтобы все изменить. Такое письмо – самый большой подарок для переводчика.

А то, что Толстой вызывает наибольший интерес, не удивляет. Я считаю, что «Война и мир» и «Анна Каренина» – это две вершины мировой литературы. Даже малообразованные люди знают об этих произведениях и их авторе. Но о том, что у Толстого есть дневники и письма, в испаноязычной культуре не было известно. Поэтому мои книги стали настоящим открытием. Согласитесь, что тем, кто читал какие-то произведения писателя, всегда бывает любопытно узнать что-то и о нем самом. Поэтому интерес к Толстому вполне естественен.

– **Сельма, над чем вы сейчас работаете?**

– Я заново перевожу «Письма 1926 года» – ту магическую книгу, с которой началась вся моя творческая деятельность.

– **Вы решили усовершенствовать свой собственный перевод?**

– Во-первых, более 30 лет назад в моем распоряжении была даже не книга, а отдельные листы.

– **Понятно, это так называемый самиздат.**

– А с той поры были найдены новые письма и на русском языке вышла более полная книга. Во-вторых, я поняла, что после перевода всей прозы Цветаевой и части ее стихов, я уже хорошо знаю ее как человека и как художника, ее язык, ее внутренний мир. И поверьте, мне очень интересно было вновь взяться за перевод этой книги.

L.E. Pakhomova

THE MAGICAL “LETTERS OF 1926”

Russian, Spanish, belles-lettres translation, material selection.

The article presents an interview with the famous Spanish translator Selma Ansira, during which it was spoken about the 30 years of work, discovery of the name of Marina Tsvetaeva and other Russian writers for Spanish-speaking countries, international seminars for translators of Russian classical literature. In the conversation it was stated which difficulties Selma Ansira had met with various interpretations and also it was mentioned which books by Russian authors are the most interesting for readers in Spain and Latin America.